

Львовские Очерки

3. Золотая арка

Жил когда-то в городе Львове человек, который решил удивить весь мир и прославить имя свое в веках.

Почти никому неизвестный бедный украинский мещанин четыре-ста лет тому назад взялся собственными руками построить башню: самую красивую и самую высокую башню Львова. Над ним издевались, бурсаки швыряли в него камнями, но неутомимый строитель все переносил. Отовсюду собирал кирпичи, работал в поте лица от восхода до заката солнца, и с каждым днем башня росла все выше и выше, пока однажды утром не нашл. труп вдохновенного маньяка на стене постройки. Он зажал в одной руке кирпич, а в другой черпак и лежал, умерший от разрыва сердца, как не-ой укор всем, кто не хотел понять стремления к величию его простой человеческой души.

Несчастного мученика похоронили на одном из бесчисленных в те времена кладбищ, а начатую башню разобрали так, что и следа после нее не осталось.

Но тоска, бессмертная тоска творчества оставалась живой, она в продолжении веков билась в груди людей древнего украинского города.

Я вспоминаю демонстрацию рабочих во Львове еще во времена буржуазной Польши. Часто, очень часто случалось, что многих участников демонстрации привозили домой с полицейской пулей в сердце. Что ж гнало этих людей в объятия смерти? Неужели они рисковали жизнью только ради куска хлеба или десятипроцентной прибавки к жалованию?

Думать так, значит совершенно не верить в человека. Те, что в памятный день мая 1936 года подхватывали из рук умирающих товарищей продырявленный пулями и изрубленный напиками гроб убитого полицией безработного и мужественно несли товарища дальше на выбранное ими место упокоения, не думали о своем жаловании. Они верили тогда только в одно, что каждый их шаг вперед по улицам, залитым их же кровью, это сто, тысяча шагов вперед к бессмертию,

к величию их класса, к стране самых высоких и самых прекрасных башен, построенных их собственными руками.

Когда Нафтали Ботвин, львовский комсомолец-герой, уничтоживший провокатора, за секунду перед смертью крикнул гордо в лицо своим палачам: «Да здравствует революция!», перед его угасающим взором не стоял вчерашний день, его сердце было там, куда тшетно стремилась найти путь львовский мещанин четыреста лет тому назад, — на земных высотах, где слово «челованию» звучит гордо.

Гитлеровский губернатор Галиции Отто Вехтер не понимал этого.

Вся жизнь Вехтера была сплошной до бесстыдства обнаженной физиологией. Когда он взвешивал на ладони награбленные бриллианты, по его спине пробегали мурашки похоти при мысли о том, сколько прелестнейших дочерей Вены будут обнимать его шею, услышав о его богатстве. Когда по его приказу десятки, сотни тысяч людей гибли в мучениях, он ощущал неумную радость существования, дикое на-

слаждение от сознания того, что не ему люди причиняют страдания, а он людям. Когда машина везла его мимо колючей проволоки Яновского концлагеря смерти, его пронизывало приятным холодком от чувства безграничной животной собственной свободы, добытой за счет неволи других человеческих существ.

Губернатор Вехтер, как и все фашистские фюреры, носил фуражку с большим козырьком. Это давало возможность следить за своими жертвами, не показывая им своих глаз. Это не давало возможности смотреть вверх, но фюрерам этого не требовалось. Мир их представлений, их желаний лежал на уровне козырька их фуражек.

Правда, они кое-что и строили. Они построили во Львове только одну фабрику, зато одну из самых больших в мире — Яновскую фабрику смерти. Дальше их творческие планы не простирались. Львов, который, по их словам, должен был купаться «в солнце фашистской культуры», они выкупали прежде всего в его собственной крови. Это было средство воспитания для тех, кому посчастливилось остаться в живых и ползком, с цепью на шее, войти в царство культуры вехтеров.

В июле 1944 года Вехтер был принужден, «по объективным причинам», поспешно удрать из Львова. Его миссия осталась незаконченной. Когда первый красноармеец появился на Стрыйской улице, город, пропитанный трупным запахом, казалось умирал. На опустевших бульварах с вытопанными клумбами и поломанными решетками были го-

лодные собаки, в цехах и так уж малочисленных заводов свили себе гнезда совы и аисты. Аудиторин университета напоминали заброшенные конюшни, в коридорах политехнического института шныряли крысы, обнюхивая кучи окровавленной марли.

И думалось тогда: сколько труда, сколько времени понадобится на то, чтоб Львов стал снова таким, каким был три года тому назад!

Прошло всего три-четыре месяца. Правда, за это время не произошло никаких чудес. Трамвай все еще не ходит, водой можно пользоваться только семь-восемь часов в сутки, оперный театр все еще не работает, а если и начнет работать, то спектакли пойдут наверно без арфы, так как последняя арфистка Львова уже третий год лежит в порывеющей от человеческой крови земле яновских могил.

А все-таки сделано много, очень много! В квартирах львовян уже давным-давно горит газ, исчезают очереди перед магазинами хлеба, на недавно еще пустых улицах людно и шумно... Университет стал снова университетом, институты — институтами, школы — школами. На сцене украинского театра пламенем великой любви горит бессмертный «Олекса Дундич». В зале филармонии вы можете часто услышать один из лучших коров СССР — капеллу «Трембита». Попробуйте найти сегодня во Львове предприятие, которое бы не работало. Больше того, может быть, вы будете удивлены, услышав, что некоторые львовские предприятия работают даже лучше и продуктивнее, чем перед войной.

Вы может, скажете: мало, — Львов в лучшем случае будет тем, чем был: большим культурным и торговым центром, городом героического немногочисленного отряда рабочих, городом ученых и художников и одновременно городом торгашей и обалдевших от тупоумия обывателей, что умеют не только томиться от скуки, но и вставлять палки в колеса истории; городом тех самых обывателей, которые когда-то со спокойным сердцем затравили обезумевшего от творческой тоски строителя. Где же золотая арка над его могилой? Река времени так же течет по улицам Львова. Львов будет не только тем, чем был, его завтра — советское завтра, и о нем думает Сталин.

Именно сейчас Львов переживает свои великие дни, в ритме этого города вы почувствуете зарождение его новой эпохи, той эпохи, которую увидели глаза Ботвина в минуту его смерти; той эпохи, за которую подставляли под пули свою грудь герои кровавого четверга. Государственный Комитет Обороны наметил ряд мероприятий, которые превратят Львов в большой индустриальный центр Украины. В ближайшее время начнутся работы по строительству новых гигантских заводов, что в течение одного года изменят лицо города.

Поднимутся на окраинах дымы над новым машиностроительным заводом, пройдет несколько лет, и на наших улицах заблестят свежим лаком веломашини львовского производства.

К хору утренних гудков присоединится новый гудок — завода

электроламп, который вступит в строй уже в новом, 1945 году. Семь миллионов маленьких электрических солнц!

Весной этого года многоголосая песня тысяч веретен большого текстильного комбината заглушит шопот двухсот старых веретен. Будет у нас и обувная фабрика. В этот день через год она выпустит пятисоттысячную пару обуви.

Если до сих пор лучшими духами в СССР считались «Красная Москва», то скоро у нее будет опасный соперник среди духов львовского производства. Расширенная парфюмерная фабрика даст за этот год продукции на двадцать пять миллионов рублей.

Настоящий переворот будет переживать в этом году Львов, если речь идет об электричестве: мощность его электростанции увеличится в два раза по сравнению с довоенным временем.

Газ — это второе солнце нашего города, будет греть в три раза сильнее, — настолько увеличится его потребление.

Речь идет о 1945 годе. За ним пойдут другие, более прекрасные, и еще более богатые годы рождения нового, по-настоящему советского Львова, где добрый гений прошлого перекинет золотую арку в дни будущего, а башни ренессанса древнего города будут свидетелями нового ренессанса, рожденного в огне страшной войны; войны свободного человека со смрадным порождением фашистского дьявола.

Таков наш путь к величию!

Перевод с украинского

Г. ШИПОВА.

1944 г.